

18+

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
КАЗАКОВ

Дом

ПОВЕСТЬ

Валерий Казаков

Дом. Повесть

«Издательские решения»

Казаков В. Н.

Дом. Повесть / В. Н. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602104-4

Новая книга Валерия Казакова «Дом» представляет из себя повесть в рассказах, в которой то с грустью, то с юмором повествуется о сложной и увлекательной судьбе жителей провинциальной России. Это произведение начинается с послевоенных лет, а заканчивается нашими днями. Главные герои повести влюбляются, воспитывают детей и по-своему мудро рассуждают о прошлом и будущем своей страны. Иногда в этих рассуждениях чувствуется явная ирония, иногда — непонимание, а порой — скрытые пророчества.

ISBN 978-5-00-602104-4

© Казаков В. Н.
© Издательские решения

Содержание

ДОМ	6
Бабушка Фрося	7
Катя	12
На пасеке	15
Другая жизнь	16
Дурачок	18
Рябиново	20
Семен Семёнович	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дом
Повесть
Валерий Николаевич Казаков

© Валерий Николаевич Казаков, 2023

ISBN 978-5-0060-2104-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОМ

Жил – был на краю оврага старый и большом дом. Когда на него налетал ветер, дом вздрагивал всей своей ветхой крышей, как испуганный зверь, и протяжно скрипел. Ему было скучно и холодно, потому что внутри дома уже давно потухла жизнь. Даже старая крыса, которая, кажется, всегда жила в подполье и от скуки скребла трухлявую стену дома куда-то исчезла. В доме остались только грибы и плесень, да ещё большой серый паук, который всю зиму спал на кухне под плинтусом, а летом ловил на припеке счастливых и веселых мух. . . ,

Окна у дома были заколочены, а дверь была прибита к косяку большими ржавыми гвоздями, чтобы воспоминания, которые приходили сюда по ночам, не могли попасть внутрь, потому что там сейчас темно и холодно, а воспоминания такие светлые и теплые, что, кажется, будто они не отсюда.

Хозяева дома сейчас живут в городе, они больше не приезжают сюда даже летом, потому что на свете кроме родительского дома есть ещё теплое море, горы и красивые южные города, которое тоже манят. Таких домов в Рябиново много. Это как знакомое, но слегка размытое лицо на старой фотографии. Фотография есть, а человека уже нет, но почему-то хочется вспомнить именно его, рассказать именно о нем.

Дома и лица людей, они чем-то похожи. И вглядываясь в лица домов, начинаешь понимать, отчего одно весело сияет, а другое смотрит устало, почти обреченно. Лицо дома может многое рассказать о своем хозяине. Каким он был, что его интересовало, что увлекало, что повергало в уныние. Я постараюсь рассказать обо всех. О домах и людях, которые были простыми и грубыми, как фасад рубленого в лапу пятистенника. Я расскажу о людях, которые много работали на своем веку, но при этом жили не лучше и не хуже других, и всегда думали, что именно так и надо жить.

Я расскажу о своем доме, потому что мой дом – это большое село Рябиново. Такое привычное, такое простое, но все же в чем-то неповторимое. Это село живет в моей памяти, как тот старый дом на краю оврага, который издали кажется неказистым и усталым, покосившемся на один бок, но подойдешь к нему поближе и увидишь в нем что-то с детства родное, близкое и одновременно – далекое, потому что время неумолимо. В нем всегда что-то рождается, а что-то исчезает навсегда.

Я хочу надеяться, что старый дом ждет молодого хозяина, родители которого когда-то переехали на жительство в город. А, может быть, старый дом уже не ждет ничего. Молодой человек, которому дом мог бы перейти по наследству, смотрит на фотографию старого дома, которая хранится в потертом и выцветшем альбоме, лежащем на дне картонного ящика из-под обуви. Видит, какой этот дом неказистый, серый, потрескавшийся, и ему становится грустно. Его успел привязать к себе город. Жизнь в городе кажется молодому человеку большой и яркой, как витрина центрального универмага. Ему нравится находиться среди густого месива людей и машин, шумных магазинов, бойкой рекламы, спешащих куда-то женщин и мужчин. Ему нравится этот бойкий ритм, это мелькание событий, взлетов и падений. Он уже не может жить иначе, он стал другим.

Бабушка Фрося

Я вглядываюсь в прошлое и вспоминаю о своей соседке, которую в детстве мы называли бабушкой Фросей. У неё в Рябиново стоит большой, но обветшалый дом с горбатой крышей, покрытый замшелым шифером. Со временем этот дом покосился и одряхлел, как его хозяйка, но по вечерам в окнах дома зажигается свет, по занавескам бродят тени, как будто в этом доме кроме бабушки Фроси ещё кто-то есть. Иногда мне кажется, что это проекция её воспоминаний, ожившие фантомы прошлого, всполохи её тяжелой судьбы.

Над домом бабушки Фроси видна громоздкая телеантенна, издали похожая на рогатину странной формы, по вечерам на ней любят отдыхать и переговариваться между собой ленивые местные вороны. Перед окнами этого дома стоят две пожилые березы. Березы высокие, можно сказать, величественные с понурыми ветвями, которые слегка покачивает северный ветер. Внизу, к белым березовым стволам прибита темная деревянная скамья. На ней перочинным ножом вырезано странное выражение: «Вся жизнь – тюрьма». Кто вырезал это изречение, и что оно означает – никто не знает...

Бабка Фрося часто стоит под этими березами у скамьи, опираясь на черень лопаты, и думает о чем-то своем с тайной грустью в глазах. Она может стоять так очень долго. На ней в любое время года старенькая плюшевая оболочка темно-синего цвета, сильно выгоревшая на спине, серый пуховый платок и серые валенки с калошами. Спина у бабушки Фроси узкая и немного горбатая, грудь впалая, а нижняя челюсть слегка выдается вперед из-за того что зубов во рту маловато. Лицо у бабки Фроси бледное и морщинистое, глаза узкие и внимательные, скрывающие внутри странный молодой огонек. Рот плотно сжат. На фоне белого снега и белых стволов берез бабушка Фрося чем-то напоминает мне знак вопроса. Стоит и задает свой вопрос редким прохожим, и все, кто проходит мимо неё по дороге, обязательно здороваются с ней. Она тоже со всеми здоровается, кивает, улыбается.

– Здравствуйте, Иван Кузьмич!

– Здравствуй, Фрося.

– Здравствуйте, Капитон Петрович!

– Здравствуйте!

– Как поживаете?

– Да, слава богу! Всё хорошо.

Бабушка Фрося когда-то давно была молодой и красивой. Её русые волосы имели золотистый оттенок, синие глаза в весеннюю пору казались зеленоватыми, тонкое тело было стройным и гибким. Отец долго не выдавал её замуж. Жалел, искал для неё достойного жениха, вот она и засиделась в девках. Потом по совету отца Фрося вышла замуж за местного фельдшера – вдовца, у него к тому времени уже было трое взрослых детей. Любила ли она своего Степана Федоровича, никто толком не знает, только вскоре родила ему Фрося четверых детей: трех девочек и одного мальчика. Муж выстроил для новой семьи самый большой в селе дом, начал заочно учиться в Казани на врача, но неожиданно умер от повторного тифа. Тут-то и пошло у Фроси всё колесом. Ни работы, ни денег, зато забот полон рот.

Приехал к ней из соседней деревни отец, только двери открыл, а она ему тут же с укором выговорила:

– Вот, посмотри, чего из твоей затеи-то вышло! – и указала рукой на детей, которые возились на полу с самодельными куклами. Отец посмотрел на детей, помолчал немного, покачал седой головой, да и сказал вдруг:

– А ты их в приют сдай.

– Как это, в приют? – не поняла Фрося.

– А так. Всё равно одной тебе эту ораву не поднять. Время сейчас такое. Большевики революцию затеяли. В стране разруха. Мы с бабкой тебе не помощники. Сами у сына на шею сидим, можно сказать. Проку от нас мало. Так что...

– В приют? – со слезой в голосе повторила Фрося.

– А куда деваться...

– Чувствовала я, что добром это не закончится, – запричитала Фрося. – Он, муж-то мой, на двадцать лет старше меня был... И зачем только я тебя послушала? Почему согласилась?

– Что сейчас об этом вспоминать? Ничего уже не изменишь, – мрачно проговорил отец. – Решать надо, что дальше делать? Как жить теперь?

Сказал это, сел за стол, поговорил о том – о сем, попросил стакан чаю, посоветовал не раскисать раньше времени. Потом вышел из дома, по двору походил, осматривая хозяйство. С мрачным лицом вернулся обратно, ещё немного посидел возле печи и уехал к себе в деревню. А Фрося, после долгих раздумий, не находя иного выхода, решила сделать именно так, как отец велел.

Взяла у соседей лошадь, детей получше одела, посадила всех в сани и повезла в волость. Ехали долго. Дети в санях сидели молча, как взрослые, смотрели во все глаза по сторонам и ничего не понимали. Куда они едут? Зачем? Самый старший из детей, Алексей, уже начал ходить в школу, он, наверное, кое о чем догадывался, но не плакал и с матерью не спорил, хотя парень был шустрый. Его Фрося больше всех любила. Да и как не любить первого. Первый всегда чудо. Щеки у Алексея ярко горели на морозе, капризным он никогда не был и животом по весне не маялся... Старшая дочь, Маруся, была совсем другой. Она хотя и верткой казалась, но кашляла всегда, потому что простывала на улице постоянно. У Марусяки были большие синие глаза, длинные ресницы, быстрый ум, но здоровье при этом никудашное. Худая была Марусяка и бледная как поганка. Хотя, задним умом Фрося понимала, что когда эта девочка вырастет, скорее всего, красавицей будет...

У Лизы волосы были в темные, как у цыганки, и завивались они мелкими кольцами на висках. А про Катю, про младшую, даже подумать было страшно. Ей всего два годика исполнилось. У Кати лицо было как у маленького гуттаперчевого ангелочка с новогодней ёлки. Но куда она с ними со всеми в эти страшные годы, когда кругом черт знает что творится. Двадцать первый год на дворе, революция, крестьянские бунты.

В волостном центре, у приюта, который не так давно был домом лесопромышленника Бушкова, мать лошадь остановила, привязала узду к столбу возле изгороди, а сама через парадное крыльцо с витыми чугунными перилами вошла в приемную. В светлой и просторной приемной с высокими потолками, на глазах у строгой женщины – начальницы, которая в черной кожаной куртке сидела за столом, Фрося долго плакала. Говорила, что дети у неё сиротами остались, что она их ни за что не прокормит одна и на ноги не поставит. Нет у неё такой возможности. А потом, когда плакать перестала, тихо спросила у строгой начальницы, что ей делать сейчас, как быть? Пусть она научит.

Строгая начальница привычно закурила, пустила тонкую струйку дыма в потолок, прищурила темные глаза и ответила, что жизнь сейчас никого не балует, но Советская власть работает для народа, поэтому решение будет найдено. Новая власть сделает всё, что в её силах.

Вскоре испуганных детей две упитанные и хмурые женщины – санитарки привели в приемный покой, стали раздевать и уговаривать остаться на новом месте несколько дней пожить. Девочки беззвучно плакали и смотрели на маму испуганными глазами, как будто ждали от неё каких-то важных слов. Но мама, ничего не говоря, обняла их всех разом, поцеловала в теплые макушки, а потом ушла куда-то быстро. Ушла и больше не вернулась... Дети бросились к дверям, повисли на большой медной ручке в виде ящерицы и заплакали хором. Но мама и после этого не появилась. Тогда девочки громко закричали сквозь слезы, даже вспотели от крика,

и толстая тетя, воспитатель, которая пыталась их успокоить, украдкой смахнула откуда-то у себя с носа большую слезу, глядя на них.

В приюте дети прожили до весны. Исхудали, завшивели, но больше не плакали. Понимали, что бесполезно плакать. Плачь не плачь – ничего в их жизни не изменится.

За длинную и холодную зиму много приютских умерло от болезней и тоски. Их хоронили отдельно от городских жителей у кладбищенского забора, там, где крапива высокая растет вперемежку с одичавшей малиной. А весной за кражу продуктов и плохое обращение с детьми посадили в тюрьму большую часть приютского персонала. После этого в приюте стало немного вольготнее. Тогда-то и удалось Алёшке удрать из опустылевшего приюта вместе с сестрами. Накануне им разрешили погулять на улице. День был теплый, небо казалось зеленоватым от яркого весеннего солнца. Отливающие черной сталью местные грачи, строили гнезда на вершинах сосен приютского парка, громко каркали, перелетая от гнезда к гнезду. И манила к себе тропинка, проложенная от ржавых детских качелей до забора, где одна широкая синеватая (в трещинках) доска, как маятник от небольшого усилия руки со скрипом отходила в сторону, освобождая путь на желанную свободу. За этой прорехой в заборе существовала другая жизнь. Там бесцельно разгуливали по первой нежно-зелёной траве худые местные собаки, солнечные пятна веером лежали на земле, напоминая кожуру от апельсинов, пахло хлебом и ванилью от соседней закуской с темными окнами, возле которой по вечерам роились подвыпившие мужики.

В общем, когда дети в очередной раз вышли погулять после обеда, Алешка выждал момент, когда воспитатель ушел куда-то по своим делам, спрятался за куст сирени, а потом ловко юркнул в прореху на заборе. С обратной стороны забора отвел нужную доску подальше, расширяя желанный проход, и позвал к себе сестер. Сестры последовали его примеру.

Домой после побега дети шли целый день. Первые метры пути от бодрящего ощущения украденной свободы они, кажется, летели на крыльях, как настоящие перелетные птицы. Но через какое-то время стали уставать. К тому же самая младшая, Катя, всё время просила то есть то пить. Она не понимала, что её сестры тоже есть хотят, им тоже трудно.

К полудню дети подошли к небольшой лесной речке с плоским песчаным дном. В этой речке Алешка своей вылинявшей майкой стал ловить на мелководье полосатых пескарей. Заводил майкой как сачком и выбрасывал пойманную рыбу вместе с водой на берег. Мелкая рыба серебряными искрами мельтешила на охряном песке. Сырыми рыбешками Алешка решил накормить младшую сестру Катю. Она морщилась, но ела живую рыбу. Катя была маленькая и не понимала, что сырую рыбу нормальные люди не едят.

– Еще хоч. Еще, – повторяла она.

– Сейчас наловим. Потерпи немного, – отвечал Алешка.

Алешка ловил рыбу, Катька нетерпеливо топала ножками и тянула к брату розовые ручки. В это время на неё завистливо поглаживали остальные дети. Потом Алешка сказал, что у него замерзли ноги, да и рыба разбежалась. Надо дальше идти. И все дети послушно пошли за старшим братом. При этом сытая Катька стала засыпать и её пришлось нести на руках по очереди. Кругом был влажный, переполненный птичьими голосами лес. Оттуда-то из еловой низины наплывали незнакомые запахи, пересекая дорогу, косо падали на брусничник яркие солнечные лучи.

Ближе к вечеру лес помрачнел, от страха детям захотелось поскорее выйти из него, захотелось пробежать по лесу бегом, чтобы скорее его преодолеть, но не было сил. При этом Алешка всё время повторял, что их дом уже рядом, дом уже близко и все ему верили. Верили и шагали дальше, преодолевая усталость.

Потом, на гремящей по лесным кочкам телеге, детей догнал какой-то бородатый дядя в сером армяке, пожалел, посадил рядом с собой на телегу, спросил, чьи они будут. Алешка

стал робко отвечать, что они не местные, что они из города приехали, но сейчас домой продвигаются. И дорогу эту они давно знают. Изучили. Память у них хорошая.

– А отколь идёте-то? – поинтересовался мужик.

– Да так, – ответил Алешка и неопределённо махнул рукой на запад. – Из города. Из гостей, говорю...

– Ну и гости из вас! – покачал головой мужик. – Не дай бог! Одни без родителей по лесу шатаются. Кто же вас отпустил-то таких?

– Мама.

– Она, что совсем с панталыку сбилась?

На это Алексей ничего не ответил. Растерялся. От дяди пахло дёгтем и самогоном, он был большой и бородатый. Но с ним было не страшно даже в лесу. Поскрипывала телега, чмокали в грязи деревянные колеса, обитые железом, пофыркивала лошадь, от земли пахло прелым листом и болотом. И вдруг что-то раскатисто громыхнуло у детей над самыми затылками, а потом раскатилось по просеке до горизонта:

Это бородатый дядя откинулся немного назад, вздыбил грудь колесом и запел от всей души печальную русскую песню, от которой мурашки пошли по коже. Слушал его дремучий лес, слушали притихшие птицы, слушало оранжевое закатное небо, и сам дядя, слившись в единое целое с этой песней, показался детям диким и дремучим. Девочки от предчувствия чего-то страшного громко заплакали.

– Дядь, а дядь, престань петь, а? – попросил вдруг Алешка.

– Чего? – переспросил тот возмущенно.

– Девки боятся.

– Да леший с ними! – ответил мужик. – Ты лучше мне подпевай. Вон как хорошо отдается в лесу-то. Как в пустой бочке. Мы с отцом раньше всегда что-нибудь пели, когда через лес на лошадях ехали... Волки не любят, когда мужики в лесу кричат. Пугаются, чувствуют, что им тут не поздоровится... Если человек таким громким голосом поет – его все звери боятся...

Домой приехали поздно ночью. Бородатый мужик, провожая их жалостливым взглядом, вдруг сказал негромко, но внятно:

– Дура, ваша мать! Так ей и передайте... Мать её!

Алешка, честно говоря, выслушав это, толком не понял, выругался дядя или так их напутствует.

Немного погодя, дети зашли в темноте на кухню. Почему-то сени оказались незапертыми. Остановились в дверях, уцепились друг за друга дрожащими руками и замерли в странном оцепенении. Потом Маруся неуверенно позвала:

– Мам! А мам! Где ты?

На печи что-то зашуршало, скрипнуло и свалилось. Послышался звук шагов. Потом тускло загорела над столом керосиновая лампа. Серый кот спрыгнул с казенки. Следом послышались вздохи похожие на причитание:

– Ох, ох, ох! Что же это будет-то сейчас? Что будет?

– Это мы, мам...

– Да поняла я. Только как вы тут оказались-то?

– Мы... домой вернулись. Мам.

– Вернулись...

Затем последовало долгое молчание. А после мать произнесла:

Ну, ...и как мне быть теперь с вами? Ума не приложу. –

– Мы домой пришли, мам...

– Вижу, что пришли.

Мать громко причитала и смотрела на детей испуганно-удивленными глазами. Потом причитать перестала и начала ходить по комнате, прижимая худые руки к худой груди. От её шагов звучно поскрипывали половицы.

– Эх. Дура я дура, несчастная я баба! Что мне делать-то сейчас с вами?

Дети, молча, стояли в дверях.

– Отвезу я вас обратно... Вот увидите, отвезу... А тебя, Алексей, отдам в няньки к Бушковым. Прибежал обратно – иди в няньки. Мне вас кормить нечем, я сама сижу голодная.

Дети слушали мать и не знали, что им делать? Они столько вынесли, столько перетерпели и всё, видимо, напрасно. Только Катька, ничего не понимая, раздевалась и кряхтела. Она точно знала, что пришла домой, где её любят. Потом подбежала к маме, обняла её за длинную серую юбку и прижалась тёплой головкой к маминому бедру. Алешка посмотрел на Катьку и сказал:

– Мы не насовсем. Мы немного дома поживем и пойдем собирать. Унас и котомка есть. И Катю с собой заберем, она уже большая, всё понимает.

– Да раздевайтесь уж, коль пришли. Куда вас девать...

Дети обрадовано засуетились, стали снимать одежду, сшитую из отцовских обносков, и аккуратно складывать её в угол на лавку, так чтобы мама не ругалась. Когда уже разделись, Алёшка незаметно обнял всех и шепнул: «Ну вот, что я вам говорил. Мама у нас хорошая. Она ещё немного поругается и перестанет».

На следующий день Фрося накормила всех, чем могла и распределила по работам. Лиза и Маруська будут нянчиться над маленькими в большой семье Филимоновых, а старший пойдет собирать.

Лиза и Маруська матери не прекословили, им было достаточно того, что там, куда они пойдут нянчиться с малышами, их, вероятно, будут кормить, и оттуда их уже никто не повезет обратно в приют. Алешка у добрых людей насобирает сухарей за лето, так что зиму они проживут как-нибудь...

Но через неделю Алешка почему-то идти собирать подаяние отказался. Он сказал, что лучше повесится, что лучше уйдет из дома на всё лето, будет жить где-нибудь в лесу, сделает самострел и станет охотиться на диких зверей, а младших детей объедать не будет. Но мать не отступалась. Ей казалось, что сейчас есть только одна возможность выжить – идти собирать. В стране был голод, какие-то непонятные перемены и страшные события происходили чуть не каждый день.

Земельный надел у Фроси никто не обрабатывал. У неё не было ни коровы, ни лошади. Правда, всё это можно было приобрести. От бывшего мужа у неё кое-что осталось. Серебряные рубли, когда-то скопленные на черный день, в глиняном горшке были закопаны в подполье. Но, что будет дальше, Фрося толком не знала, поэтому старалась об этих деньгах не думать, не вспоминать. А вдруг наступят времена ещё хуже нынешних? Что тогда? От новой власти не знаешь, чего ожидать. Они говорят одно, а делают другое.

*«Из-за острова на стрежень,
на простор речной волны
выплывали расписные
Стеньки Разина челны...»*

Катя

Алешка в то лето собирать так и не собрался, но в середине лета случилась ещё одна беда – потерялась младшая дочь Фроси, Катя. Днём Фрося пошла на речку полоскать бельё, Катя как обычно увязалась за ней. Пока мать полоскала, девочка играла на берегу круглыми блестящими камешками, обточными речной водой. Ей исполнилось тогда два годика, но для своего возраста она была девочкой смышленной.

Когда мать уже дополаскивала бельё, девочка стала капризничать и проситься домой. Сказала, что хочет пить. Мать, не задумываясь, отпустила её, тем более что до дома от реки было рукой подать. Через какое-то время Фрося увидела красное платьице Кати на берегу, там девочка остановилась на самом высоком месте и что-то крикнула матери. Фрося не расслышала. Она не знала, что видит дочку в последний раз. «Сейчас иду», – проговорила Фрося себе под нос, а потом ещё долго отжимала бельё, раздумывая о том, как она устала за последние дни, как дети её измотали...

Когда Фрося вернулась с реки, Кати дома не оказалось. Она не пришла ни через десять минут, ни через час. Фрося забеспокоилась, стала искать девочку в саду, потом в огороде... Но Кати нигде не било. Пришлось спрашивать о дочери соседей. Соседи недоуменно пожимали плечами, отвечали, что никакой девочки на улице не видели, не встречали.

Вечером Катю стали искать всем селом. Сначала ходили по деревне, заглядывая в заброшенные дворы и старые колодцы, потом отправились в лес. Кричали, аукали, размахивали керосиновыми фонарями «летучая мышь». К утру решили, что девочку, должно быть, утащил волк, но всё-таки поиски надо продолжать. Может быть, она ещё жива. Может быть, она ещё найдется.

Потом прошел слух, что кто-то видел маленькую девочку на полевой дороге недалеко от деревни, возле старой ветреной мельницы. До этого случился летний дождь и на песчаной дороге ясно были видны одинокие детские следы босых ног. В одном месте, возле оврага, девочка перешла дорогу несколько раз, как будто что-то искала. Потом стали говорить, что незнакомый мужик видел маленькую девочку в красном платьице у Дарьиного лога. Он несколько раз окликнул её, но она не отозвалась, после попробовал найти её в кустах возле лога, но девочка как сквозь землю провалилась.

Все эти дни в доме у Фроси была напряженная тишина. Дети, за несколько дней ставшие взрослыми, старались не шуметь, говорили шепотом и надеялись увидеть Катю живой. Люди продолжали искать потерявшуюся девочку, но без успеха. Мать до полночи усердно молилась перед ликами святых в красном углу, каялась в чем-то перед Богом, просила у Него прощения. В доме пахло горелым воском и ладаном, а за окнами дома гудел северный ветер, как будто на улице был февраль. И никто не мог представить, как, должно быть, страшно сейчас Катеньке одной в тёмном и влажно лесу, как она плачет, сидя где-нибудь под огромной елью с колючей хвоей. Как ей холодно, как одиноко, и как она хочет к ним на теплые полати...

Нашли Катю на третий день к вечеру недалеко от села, около большой, упавшей от старости ели, которую Катя, видимо, решила перелезть, но зацепилась платьем за короткий сук и упала вниз головой прямо в небольшую лужицу за мертвым деревом. Ручки у девочки были исцарапаны в кровь, тело сильно искусано комарами, а платье осталось чистым. Видимо даже в лесу девочка старалась его беречь, чтобы не расстраивать маму...

До деревни девочку нёс на руках дед Абрисим. Он был большой седой и суровый, его лицо напоминало лик святого с одной из икон в доме Фроси. Маленькая девочка на его худых узловатых руках лежала, как большая и красивая кукла, на которую с болью в глазах смотрели сторбленные местные старухи, прикрывая коричневыми ладонями беззубые рты. Никто

из примкнувших к стихийной процессии женщин ничего не говорил, все держались из последних сил, чтобы не заплакать, и над всеми с резкими криками кружила огромная стая ворон.

Когда шествие приблизилось к дому Фроси – она мигом выскочила навстречу скорбной процессии, завывала, запричитала, воздела руки к небу. Но никто почему-то не пожелал её успокоить, не приблизился, не посочувствовал. Люди стояли отдельным темным островком и смотрели на горе скорбными глазами. Они всё понимали по-своему, как будто знали, как Фрося встретила своих детей после возвращения из приюта.

Потом Катя лежала на лавке в большой комнате, в деревянном гробу из осины и с ней приходили проститься незнакомые люди, как с настоящим взрослым человеком. Как будто она выросла после смерти, стала такой же, как они. Лица у людей были вытянутые и строгие, скованные тайной скорбью, только их желтоватые подбородки упрямо и остро выдавались вперед.

В большой комнате на этот раз сильно пахло ладаном. Какая-то старушка, утопая в сизом тумане от горящих свечей, тихим голосом читала толстую книгу в кожаном переплете. Её губы мерно шелестели в шепоте, а шершавые пальцы при этом теребили конец очередного листа, и от этого углы всех без исключения страниц в старой книге были темноватые и неровные, как бы немного поеденные мышами. Когда читающую старушку о чем-нибудь спрашивали, она делала испуганное лицо и что-то быстро отвечала, но что она говорила, никто не мог разобрать, потому что шепелявый и свистящий звук её голоса был похож на шелест осенней листвы.

Из детей по-настоящему смерть Кати переживал только Алешка. Он затосковал. Несколько раз подходил к бедной Кате, брал её за руку, вернее дотрагивался до холодной Катиной руки, и тихо-тихо повторял: «Ты, Катя, была самая любимая сестра у меня. Прости... Тебя никто не любил, а я любил. Честное словно». Если бы Алешка умел плакать, он бы заплакал, но у него не получалось, и от этого ему было ещё больнее.

Похоронили Катю на следующий день. Дед Абросим на телеге отвез маленький гроб до кладбища, там на двух ручниках с бабкой Абросихой они спустили гроб в могилку и засыпали землей. Кроме них на кладбище была ещё Фрося и несколько набожных старушек в темных одеяниях. В зеленоватом утреннем небе над кладбищем кружила стая грачей, они то и дело пролетали над головами людей, над темно-зелёным бугром кладбища, над холмиком свежей земли. А в это время откуда-то из-за реки раскаленным медным шаром поднималось огромное оранжевое солнце. Жизнь продолжалась, не смотря ни на что.

Вечером того же дня Алешка пошел собирать. Он сказал, что домой до зимы не придет, пока не нужно будет идти в школу. Фрося сначала на него обиделась, сказала, что это нехорошо, не по-человечески, но потом махнула на его прихоти рукой. Пусть идет, может и правда прокормится у чужих людей.

Но выйдя за село, Алешка неожиданно решил, что чем «ручки дергать», лучше он попробует пожить на старой Бушковской пасеке. Там давно уже никто пчел не держит, а дом стоит себе, ещё совсем хороший с виду. Алешка этот дом немного подремонтирует, потом сделает себе лук и стрелы, а после займется охотой и сбором ягоды – вот и проживет. Может быть, у него даже так хорошо всё наладится, так дело пойдет, что вся семья к нему на жительство переедет. А что? Если разобраться, он уже человек самостоятельный, смелый, сообразительный. Недавно Гришке Устинову по шее надавал, хотя Гришка на два года старше его. Это оттого, что Алешка злой, а злой он потому, что всё время есть хочет. И материться он умеет, как большой мужик, и писает на угол дома, как настоящий хозяин, и пукает громко... Да если разобраться, он бы и женился, пожалуй. Вдвоем-то в лесу сподручнее, веселее.

Когда Алешка из дома уходил, мать дала ему холщёвую котомку, новые лапти, пару онучей и черствый каравай ржаного хлеба. Перед уходом Алешка обнял сестёр, похлопал их по хрупким спинам и сказал: «Живите... Мать вас не обидит». Они расплакались. Видимо решили, что Алешку они сейчас тоже больше не увидят, как не видят Катю. И калитка после его ухода долго скрипела. Это не к добру...

А через несколько дней к Фросе неожиданно приехал старший сын мужа от первого брака, Анатолий. Он учился в лесном техникуме, был высок и статен как молодой офицер, но на Фросю большого впечатления не произвел. Ей было не до этого. Молодой человек выпил с Фросей чаю, поговорил о том – о сем, а потом, от стеснения опустив глаза, попросил у Фроси лисий полушубок отца, который сейчас всё равно никому в их семье не нужен, потому что всем велик. Фрося от досады аж покраснела вся, немного помолчала для приличия, а потом решительно ответила:

– Полушубок я тебе не отдам. Ты уж не взыщи.

– Как? – удивился молодой человек. – Он же вам всем не по росту. Не по размеру. Что ему без дела-то лежать?

– Не отдам, – повторила Фрося. – Могу отрезать от него половину, если нужно, а другая половина – моя. Я жена твоего отца, хоть и бывшая. Но у меня тоже права кое-какие имеются.

– Но войдите в наше положение, – взмолился молодой человек, – мы тоже без средств остались после смерти папы. Нам нужно учиться... Мне не на что купить зимнее пальто, и... это как бы наше наследство. Память от него. Всё, что осталось.

– Полушубок сейчас мой, вот и весь сказ! – отрезала Фрося решительно и показала рукой на детей. – Это тоже его дети. Они есть хотят... Так что, что бы вы мне не говорили, я своего решения не изменю...

Вечером разочарованный и несчастный молодой человек навсегда покинул Рябиново. До Кумен он шел пешком. Солнце ещё светило ярко, какие-то птицы звонко пели над ржаным полем, облака плыли с запада округлые, и трава вдоль обочины мягко волновалась от ветра, но на душе у молодого человека было темно и холодно, как в погребке. Его не покидало ощущение, что во всем мире он сейчас один, и никто ему уже не поможет.

На пасеке

До Бушковской пасеки Алешка добрался к вечеру. Оглядел её со всех сторон, обошел вокруг по кромке леса. Дом как дом, только немного покосившийся, потому что задней частью в землю врос, да крыша кое-где поросла зеленоватым мхом. Зато среди леса стоит, среди душистого запаха цветущей липы и высокого зелёного дудника. Алешке нужно только одну ночь здесь переночевать, а потом он привыкнет, освоится. Он не из тех, кто отступает, пасуя перед первыми трудностями. Да и отступить-то ему некуда сейчас. Жизнь так сложилась.

Весь день хлопотал Алешка вокруг жилья, принес сушняка из леса, печь протопил. Залез на чердак, трубу со всех сторон осмотрел, всё ли там в порядке. Заглянул в подполе – нет ли там опасных лесных жителей – змей. Сходил на речку за водой, понаблюдал, как плещется в ней рыба. На песчаной отмели приметил пескарей, небольших окуньков, сорогу и галавликов. Потом в посудине похожей на чугунок, которую за печью обнаружил, вскипятил воду, накрошил туда немного хлеба и посолил. Получилась неплохая тюря. Достал из-за пазухи алюминиевую ложку и стал хлебать незамысловатую еду. После того как поел, ему стало совсем хорошо, даже прилечь захотелось. Вспомнил, как мать ругала за побег из приюта. Улыбнулся, пусть думает, что он куски собирает, ручки дергает, просит подаяние, а он вот здесь неплохо устроился. Ночь тут проведет и привыкнет ко всему, приспособится, потом его калачом отсюда не выманишь. Спать для безопасности можно и на полатах, если что – он всех незнакомых людей первым сверху увидит, а его никто не приметит. Да и кого здесь бояться? Катя тоже одна в земле лежит, там, небось, темно и холодно, а здесь-то, в тепле, чем не жизнь?

Вечером Алешка сидел на просторном крыльце, слушал, как гудят сосны на краю леса, подступившие к пасеке из чащи. Потом в небе появилось много красного, вершины сосны сделались оранжевыми, липы нахмурились, листья берез отчетливо зашелестели. И птицы запели громче. Лес стал гулким, но мрачноватым.

С последними закатными лучами Алексей убрался в дом и притаился там на полатах. Сначала ворочался, а потом притих и стал прислушиваться к тому, что происходит за стенами пасеки. Он не хотел прислушиваться, но это как-то само собой получалось. И чем больше прислушивался, тем отчетливее замечал вокруг странные, непривычные звуки. То ему показалось, что в подполье кто-то скрёт тухлявую стену, то мерещилось, что вокруг дома ходит на мягких лапах какой-то зверь, в окно ветка постукивает. Для того чтобы дыхание стало тише, Алешка стал дышать через рот и всё прислушивался к ночным непонятным звукам. И чем больше прислушивался, тем отчетливее представлял, что за стенами пасеки идет тайная лесная жизнь, которая не может обойтись без звуков, без скрипов и дуновений.

Алексей уже засыпал, когда что-то громко стукнуло по крыше пасеки и прокатилось по сухим доскам до карниза. Наверное, шишка упала с дерева, или сухой сучек оборвался, подумал Алешка. Казалась всё шло к тому, что он испугается, закричит и побежит домой по ночному лесу, но внезапно с ним что-то случилось, он устал напрягаться, повернулся на бок и забылся, как будто провалился куда-то.

Другая жизнь

Осенью Фрося снова вышла замуж за бывшего солдата Первой Мировой Войны, фронтовика и доброго человека, Больших Павла Ивановича. Этого парня все в деревне называли просто Большим, хотя он был низок ростом и сух. Мужики уважали его за то, что он умел дико свистеть в два пальца, а в пьяном виде после стакана водки садился играть в карты и спускал с себя всё вплоть до последних штанов.

Свадьба у Фроси и Павла была невеселая. Родители жениха косо поглаживали на Фросю, но перечить Павлу не стали. Он был хорошим портным и крестьянствовал с толком.

На полатах в просторном доме Фроси теснились распаренные от духоты и табачного дыма дети. Тут был и Алешка, которого не так давно привезли с пасеки незнакомые мужики. Алешка был худ, грязен и сильно заикался. Но сколько его не спрашивали, что с ним случилось, кто его напугал? – он толком ничего не рассказывал, да и слушать его, честно говоря, было тяжело. Зато, когда он успокаивался и переставал заикаться, то уверял, что прожил в лесу всё лето, где питался рыбой, ягодами да грибами, только никто ему почему-то не верил. Разве можно такому мальцу в лесу целое лето прожить? Там ведь место-то страшное, дикое, глухое. Даже охотники в этом месте надолго не задерживаются, где уж мальчишке. Ясно, что бродяжил где-то, но не сознается.

После свадьбы Фрося закрыла свой большой дом на замок и перебралась жить к мужу. Детей Фроси бородатый и упрямый сват Иван, когда оставался в доме один, стал называть «привалоками». Если Фроси в доме не было, их не кормили, да и она, если честно признаться, не очень за ними следила. После свадьбы работать пошла. Сначала устроилась рабочей на местный маслозавод, который остался от сосланного в Сибирь прежнего владельца, потом её мастеров на этом заводе поставили. Всё же она имела кое-какое образование, и некоторое время работала тут при старом владельце.

Весь завод этот в обычном крестьянском пятистеннике размещался, но масло тут делали хорошее, которое шло на экспорт в Англию. После того как сметана собьется, полученное масло сильно промывали проточной водой, чтобы дольше некисло, на леднике хранили, немного подсаливали для вкуса. Зимой на санях отвозили это масло в Казань. Иногда и ребятам Фросиным кое-что перепало. Они придут вечером в пересменку, юркнув под медный чан в углу, а Фрося бросит им туда в тарелке чего-нибудь. Они без хлеба ухитрялись сливочное масло есть и сметаной прихлёбывать. Правда, такое счастье нечасто случалось...

Потом Фрося от Павла ещё двоих детей родила. После этого на «привонок» в новой семье вообще перестали внимание обращать. Только бабка Анна, жалеючи, бросала им что-нибудь на полаты, а они за эту случайную еду отчаянно дрались.

Весной дети ели песты и сивериху, корешки какие-то сладенькие находили. Летом – ягоды, репу, горох с чужих огородов. Когда наступали теплые дни, в чужом доме детям становилось вольготнее. И деду Ивану от них в это время доставалось. Не любили они деда, говорили о нем гадости. Дед нервничал, бегал за ними с пастушеским бичом, пытаясь ударить.

Несколько раз Иван на них Фросе жаловался, просил наказать детей за проказы. Она порола их до полусмерти, но не могла отучить от глупостей. Фрося, бывало, за стол после порки садится, а детей боится пригласить. Те, что маленькие, от Павла рожденные, тоже за стол лезут, а Маруську с Лизой никто не приглашает. Так и просидят на полатах обе девки голодные, если бабка за них не вступится. Бабка у них добрая была. То украдкой, то ещё как-нибудь Лизу с Маруської подкармливала. Правда, дед у неё странный был. Не любил лишних ртов в своем доме. Зато от лошадей был без ума. То гулять их ведет, то купает, то лечит самодельными мазями.

А ещё дед куриные яйца любил. Бабка накопит десяток яиц, спрячет от деда, чтобы больше детям досталось, а он найдет и зажарит их в печи на свином сале. Дети почувствуют вкусный запах, тихо слезут с печи, сядут на лавку у окна, дед посмотрит на них хмуро, съест половину яиц, а потом позовет детей к столу. «Ну, чего глядите, дармоеды! Берите хлеб да садитесь рядом».

Просыпались в нем иногда жалость. Тоже ведь имел когда-то своих детей, знал, сколько им энергии надо, чтобы вырасти.

Фрося на маслозаводе стал получать кое-какие деньги, и, казалось, могла бы для Лизы с Маруськой чего-нибудь купить из одежды. Но вместе с деньгами у Фроси появилась странная страсть к мануфактуре. Как только узнает, что в местный магазин новую партию ситца привезли, так всю ночь не спит, а утром в четыре часа уйдет в любую погоду, чтобы занять очередь пораньше. Ткани яркой закупит, нашьет себе сарафанов разных на швейной машине «Зингер», а лоскутки спрячет, чтобы девок не дразнить. Лизке с Маруськой свои старые платья перешивала. Девочки и этому были рады, как – никак мать им обнову сшила. Всё её руками. Разве можно её за это не любить?

Сейчас бабка Фрося, это моя соседка. Дом у неё старенький, но ещё добротный. Фрося живет в нем и радуется. Павел у неё давно умер, но она и без мужа детей хорошо воспитала, на ноги поставила, дала кое-какое образование.

Выйдя на пенсию, бабка Фрося стала набожной. На рейсовом автобусе она ездит молиться в Кумены каждое воскресенье, на почту бегаёт часто, с людьми любит поговорить. Лет ей уже много. К старости она стала очень ласковой, тихой и рассудительной.

Я однажды с дочерью её разговорился, которую Марусей звать. Рассказала мне она, что бабка Фрося сейчас почти все свои деньги по почте посылает в православные женские монастыри, чтобы набожные люди там её грехи отмаливали. И свечи в храме всегда самые дорогие ставит. На свой день рождения семьдесят пять таких поставила. В Страстную пятницу о Священном Писании рассказывает – плачет. Так жаль ей Христа, который один остался в Гефсиманском лесу. Все ученики Его, которым он до этого ноги обмывал, уснули крепко, а он, зная на какую муку будет вскоре обречен, плакал и молился... Или в газете что печальное прочтет – тоже в слёзы. Вот такая вот сентиментальная стала старушка.

Как-то встретил её на дороге, она увидела меня, остановилась и обратилась ко мне со словами:

– Ой! Это не Николая ли Николаевича сынок?!

– Да, – говорю, – он самый.

– Миленький ты мой! Отец-то у тебя золотой был человек. Красивый, добрый, культурный. С ним обо всем можно было побеседовать. И ты тоже таким же будь. Люди-то кругом тоже ведь хорошие живут. Надо им соответствовать.

Я стоял перед бабушкой Фросей и не знал, что ей ответить.

– Хороший у тебя был отец, хороший. И ты будь таким же, – ещё раз повторила она и пошла дальше, как будто свет в руках понесла... А с другой стороны, чем она виновата, что родилась в тяжелое для страны время? Что судьба у неё сложилась так неудачно? Можно ли было тогда жить как-то по-другому? Никто не может правильно ответить на этот вопрос. Ведь в реальной жизненной истории иногда трудно отличить причину от следствия, результат от погрешности, правду от лжи.

Дурачок

Алеша дурачок, это важный персонаж моего послевоенного детства. Его появление было всегда неожиданным. Он часто появлялся внезапно, как бы ниоткуда с мгновенным блеском в глазах, где сочетались удивление и испуг. Когда я встречал его на дороге, он всегда спешил куда-то, и всегда о чем-то говорил сам с собой, жестикулируя при этом в такт словам своими худыми руками.

Мужики его появлению всегда были рады, они перемигивались, перешептывались и начинали подшучивать над ним. Алексей сначала обижался на безобидные подковырки мужиков, смотрел подозрительно, но потом постепенно втягивался в разговор, начинал тихо смеяться и рассказывать свои небылицы. Его спрашивали, почему он попал в тюрьму (так он называл психбольницу). Алексей на секунду замирал, а потом обстоятельно отвечал:

– Я когда-то директором работал на заводе. Вот... Много денег получал. Вот... Целую кожаную сумку... Зачем мне столько денег одному? Вот я и стал отдавать половину этих денег техничке своей, а ещё рабочим, которые сильно нуждались. Вот. Меня за это и посадили.

– И долго ты в тюрьме просидел?

– Долго. Там я состарился, там и поседел. Посмотрите, – после этих лов, Алеша снимал фуражку, чтобы показать всем свою косматую и седую голову.

– Да! Весь седой Алеша, – весело восторгались мужики.

– И плешь у меня уже появляется.

Алеша наклонялся, чтобы лучше было видно плешь.

– Видите?

– Видим. Настоящая плешь, – снова удивлялись мужики. – Как у Ленина. Как у Хрущева.

– А там, в трусах-то, у тебя волосы не поседели? Ты столько пережил! – продолжали подшучивать над Алексеем мужики.

– Нет, – обижался Алеша и подтягивал выше резинку атласных штанов. – Пристали опять... Вот пойду в Сельский совет, жалобу на вас напишу, тогда будете знать.

– Не надо Алеша, не пиши. Мы участкового боимся. У него наган!

Мужики снова снисходительно смеялись, а потом кто-нибудь покупал Алеше кружку пива, так как дело происходило обычно у пивного ларька. Алеша с благодарностью принимал стеклянную кружку трясущимися руками, выпивал и успокаивался. Правда, чаще всего ему оставляли допить то, что в кружке осталось. Алеша сдувал лишнюю пену и допивал.

К вечеру он часто напивался допьяна, и тогда за ним приходила мать, бабушка Фрося. Она ласково объясняла сыну, что ему пора домой возвращаться, его дома жена ждет. Потом они, слегка пошатываясь, шли по пыльной улице вместе. Фрося в это время горбатилась больше чем обычно, а сын тонким голосом пел какую-то грустную песню, слова которой были мне незнакомы. Обе эти фигуры на проселочной дороге казались мне неказистыми и несуразными, появившимися из какой-то другой, неизвестной мне жизни. Они медленно удалялись и оставляли в моем сердце странную грусть. Такое же чувство когда—то возникало у меня, после того как я увидел картину Репина «Бурлаки на Волге». Сейчас я почему-то всё чаще вспоминаю о том, что когда Алеша тонким голосом что-то пел, ему никто не подпевал. Зато когда он переставал петь, то всегда громко плакал и спрашивал у мамы, почему он такой несчастный? И трудно было понять, больной он человек или так нам кажется со стороны, потому что мы многого не видим и не понимаем. Знает он о своей болезни или не осознает этого?

У него и жена была, как у всех мужиков в округе. Можно сказать, что это была красивая женщина, но жители Рябиново относились к ней с подозрительной настороженностью, с некоторой долей недоумения. Она стала его женой до войны, и сейчас жила с ним. Можно сказать, не жила, а мучилась, но виду не подавала, хотя детей у них не было. Некоторые жители Ряби-

ново считали, что жена у Алеши тоже немного не в себе, что они – два сапога – пара. Но прямо об этом никто старался не говорить.

Уже в зрелые годы я от своей матери узнал, что на войне, будучи рядовым пехотинцем, Алеша попал в плен. Фашисты поставили его для расстрела в один ряд с партизанами возле какой-то небольшой деревушки на Смоленщине, после залпа сбросили в земляной ров и присыпали землей. Но Алеша каким-то чудом выжил. Его откопали через несколько часов местные жители, потому что увидели в траншее шевеление. Потом Алеша какое-то время жил в той самой деревне у сердобольной старушки, сын которой на фронте погиб. Потом лечился по разным госпиталям, а сейчас вот обосновался в Рябиново.

Говорят, не так давно он выиграл по лотерейному билету стиральную машину. Для него это была настоящая победа, награда за пережитые горести и страдания. Выигрыш он взял деньгами и на все эти деньги снова купил лотерейных билетов. Но и на этот раз один из его билетов снова оказался выигрышным. Алеша получил по нему лодочный мотор, удачно продал его местному рыбаку, и... тут его захлестнула страсть настоящего игрока. Он решил, что будет играть дальше, пока не выиграет легковую машину.

На вырученные от продажи лодочного мотора деньги Алеша купил очередную партию лотерейных билетов. С нетерпением стал ждать таблицу в популярной газете «Сельская жизнь». Ждал долго. Таблица пришла с опозданием.

Алеша проверил по таблице все свои билеты и..., ничего на этот раз не выиграл. Ему показалось это вопиющей несправедливостью. Как же так, на такую огромную сумму – и ничего не выиграть? Это не укладывалось у Алеши в голове. Он решил, что его обманули, обвели вокруг пальца, обмишурили. Разбираться в этой несправедливости Алеша, естественно, пошел к начальнику почты. Он сразу показался Алеше человеком подозрительным. Настоящий немецкий шпион. Так и сказал ему в глаза, потому что начальник почты хороших людей обманывает, билеты им без выигрыша продает, а выигрышные себе оставляет. Представительного начальника почты такое обвинение в первый момент озадачило. То есть на несколько мгновение погрузило в ступор. Этим Алесей и воспользовался, он пошел дальше. Потребовал, чтобы ему в таком случае вернули напрасно потраченные деньги или дали билет, который непременно что-нибудь выиграет. Странная просьба Алексея вывела начальника почты из себя. Он потребовал, чтобы Алеша убирался из казенного помещения к чертовой матери, но Алеша и на этот раз не растерялся, схватил стул, поднял его над головой и закричал страшным голосом:

– Бейте его, он нас грабит! Это немецкий шпион!

На крик сбежались люди, бедного Алешу связали и заставили замолчать. Потом вызвали скорую помощь и отправили его в «тюрьму». После этого я Алешу больше не видел, хотя жаль его конечно...

А не так давно в местной газете я прочитал заметку о выздоравливающем психобольном, который рискуя жизнью, спас девочку, упавшую с насыпной дамбы в пруд. Сразу после этого я почему-то вспомнил об Алексее. Он тоже мог бы так поступить. А может быть это он и был. Что-то в нем присутствовало такое, что можно было назвать сердечной добротой или душевной справедливостью...

Жена его сейчас живет одна. Выпивает, говорят, потихоньку. С бабкой Фросей они стали лучшими подружками. Даже в церковь стали вместе ездить. Обе в черном, но с красными лицами и тревожными глазами, обе какие-то немного погнутые судьбой, но не сдавшиеся.

В Рябиново про Алешу ещё помнят, ещё вспоминают о нем иногда. Таких людей на селе искренне любят, потому что они чудить умели. Вот и первого колхозного председателя уже забыли, а Алешу не забывают. Так уж, видимо, русский человек устроен. Ему бы пожалеть кого да посмеяться над чем-нибудь на досуге, а остальное всё приложиться, было бы здоровье.

Рябиново

Село Рябиново расположено на дне широкого оврага, среди густых зарослей молодых осин и редких могучих тополей. По дну этого оврага течет небольшая речка Рябиновка, которая впадает в Вятку. Говорят, раньше на этой речке было четыре мельницы и четыре больших пруда, где водилось много рыбы. Сейчас о мельницах напоминают только останки деревянных свай, которые темными тумбами торчат из воды, да высокие камыши вперемешку с осокой.

Старые люди говорят, что все жители Рябиново дальние родственники, только это родство со временем забылось, стерлось из людской памяти жизненными трудностями и переменчивостью эпох. Они утверждают, что все местные жители когда-то носили фамилию Филимоновы. И дед Абросим, и прадед бабки Фроси, Максим, и многие другие непохожие друг на друга люди. Да и само Рябиново когда-то давно, когда оно состояло всего из нескольких крестьянских хижин, называлось Филимоновским починком.

Зимой Рябиново не так многолюдно, как летом. В летнее время оно заполняется горожанами, которые едут в далекую вятскую деревню отдохнуть от шума и суеты к своим старикам и дальним родственникам. Горожане целыми днями гуляют по зелёным улицам Рябиново или греются на прибрежном песке возле Вятки, подставляя ласковому солнцу широкие спины и тугие животы. А их сельские родственники, коричневые от загара и худые от работы, прибегают к реке только вечером, чтобы быстренько искупаться, смыть с усталого тела пот, а потом снова взяться за работу. Летом у местных жителей страда. Даже полоскать бельё бабы приходят к реке в сумерках. Стучат вальками, переговариваются, а порой и переругиваются между собой. В селе за их спинами мычат коровы, лают собаки, перекликаются петухи. Где-нибудь у сельповских ларьков в это время начнут петь протяжные русские песни пьяные мушки, заиграет гармонь, и бабы приостановятся, прислушиваясь к голосам. Не их ли это забулдыги поют? Не их ли мужья последние деньги, припасенные для дела, пропивают? Бабы поохают чуток, поговорят о своих непутевых мужиках с улыбкой, пошутят, успокоятся и опять принимаются за работу. Жизнь не остановить, видно так она устроена. И снова стук да стук над рекой до самой темноты.

Под вечер возвращаются в село местные рыбаки. Они шагают по пустынным улицам, устало передвигая ноги в больших болотных сапогах. Тяжелый улов отягощает их плечи, глаза весело блестят, позванивают самодельные бубенцы на донках. Весь день рыбаки провели у реки на фоне летней природы. Вода растворила и унесла вдаль их обиды, скопленные за рабочую неделю. Сейчас их души наполнены спокойствием и тишиной.

Влюбленные парочки в ярких нарядах появились на берегу Вятки, возле пристани. Мелькают они в старом парке возле местного Дома культуры, на дороге к лесу, туманно синеющему вдали. Молодые люди говорят вполголоса, часто останавливаются, смеются. Им кажется, что ничто не может омрачить их жизнь в этом красивом месте.

Сонные старушки продвигаются к староверской молельне по одиночке и парами. Их лица бледны и строги. Они точно знают, что земная их жизнь подходит к концу, а вечная не внушает особого оптимизма. Ведь никто точно не знает, есть ли она на самом деле. Но на всякий случай лучше иметь путь к отступлению, лучше на что-то надеяться впереди. Вот они и торят этот путь, стараются застолбить на нем достойное место. Освободиться от грехов.

Семен Семёнович

Летними вечерами любит посидеть на аккуратно выструганной лавочке под окнами своего дома Семён Семенович Бушков. Семен Семенович чем-то напоминает мне породистых крестьян с лубочных картин семнадцатого века. Это плотный и бородатый старик с низким лбом и широким мясистым носом. Глаза на лице Семена занимают удивительно мало места, к тому же они прикрыты морщинистыми веками, но глядят всегда хитро. Как будто этот человек только что подумал или вспомнил о чем-то смешном, о чем не грех рассказать другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.